

Индекс УДК 316.654:94  
 Код ГРНТИ 02.41.41, 03.01.07  
 DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-74-83



**С.В. ТИХОНОВА,  
 Д.С. АРТАМОНОВ\***

## Социальные медиа как арена конструирования исторической памяти

Статья посвящена проблеме конструирования исторической памяти в социальных медиа. В цифровую эпоху представления о прошлом создаются массами интернет-пользователей, которые демонстрируют свои интерпретации истории в социальных сетях. Инструментами воспроизводства образов прошлого стали информационные фейки, цифровые фотографии и селфи, интернет-мемы, компьютерные игры, фанфики и видеоролики на историческую тематику, создаваемые интернет-пользователями в огромном количестве. Социальные медиа являются ареной формирования исторической памяти, так как в этом цифровом пространстве аккумулируются все информационные ресурсы, в том числе и на историческую тематику. Массы интернет-пользователей, овладевшие цифровыми технологиями для производства информационного контента, активно используют их для создания своих версий прошлого и распространения их на широкую аудиторию. Особенностью воспроизводимых представлений о прошлом в социальных медиа является их эмоциональность, мифологизированность и стереотипность. Пользователи создают свои версии исторических событий, соответствующие коллективно разделяемым представлениям о прошлом, имеющим ассоциации с сюжетами и символами массовой культуры. В социальных медиа зарождаются новые коммеморативные практики, обусловленные погружением человека в цифровое виртуальное пространство.

**Ключевые слова:** историческая память, memory studies, образы прошлого, социальные медиа, сетевой контент, медиатизация истории

**И**сторическая память является одной из ключевых тем современной социальной политической мысли. Актуализация темы исторической

памяти объясняется работой внешнеполитических факторов, внутренней для России политической повесткой, процессами самоидентификации поколе-

\* **Тихонова Софья Владимировна** — доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета (СНИГУ) им. Н.Г. Чернышевского, руководитель проекта «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире» (19-011-00265).  
 E-mail: segedasv@yandex.ru

**Артамонов Денис Сергеевич** — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, исполнитель того же проекта.  
 E-mail: artamonovds@mail.ru

ний, поисками масскульта в области новых эстетических форм и соответствующего содержания. Между тем, несмотря на широкое распространение тематических исследований, сам феномен исторической памяти нуждается в серьёзном социально-философском осмыслении. В классических моделях *memory studies* историческая память противопоставляется массовой («культурной», «коллективной», «живой») как институционально продуцируемый профессиональными учёными-историками нарратив, адаптируемый государством к задаче обеспечения лояльности населения и транслируемый через все базовые институты общества, включённые в процесс социализации.

В этом качестве явления исторической памяти объективированы как феномены культуры печатной книги. Каждый из них работает как текст, семантическое содержание которого интертекстуально включено в пропозициональную систему исторической науки: даже если автор преследует в качестве цели прямую фальсификацию истории, ему придётся выстраивать свою аргументацию таким образом, чтобы включать в неё факты и интерпретации, признанные сообществом академических историков в качестве релевантных. Критическая работа научного дискурса проходит «селекцию» государства, осуществляемую с помощью прямой и непрямой цензуры, а также инструментов государственного заказа. В итоге формируется нарратив «официальной истории», который противостоит живой памяти поколения, подавляет её, входит с ней в конфликт и противоречие [1].

Важно отметить, что первая волна *memory studies*, в ходе которой и закладывались основания категориального аппарата, сформировалась в условиях зрелого капитализма с его вертикальной системой массовой информации, где медийная коммуникация как посредник пропаганды направлена на подчинение коммуникации устной, неформальной [2]. Этот разрыв между печатным текстом (и радио, те-

лесообщениями, на нём основанными) и устной речью концепции *memory studies* воспроизводят и продолжают как разрыв социально-онтологического характера. Между тем он является продуктом коммуникационной ситуации, характерной для конкретного периода исторического развития обществ. Основанные на нём модели *memory studies* невозможно ретроспективно обратить «вглубь веков» в отношении тех обществ, где не было массово распространённой письменности [3]. Отсутствие экспансии неформальной коммуникации в письменную традицию через дневники, частные «хроники» и мемуары означает для исследователя отсутствие тех самых данных, по которым можно реконструировать массовые (не элитарные) коллективные представления.

### Историческая память в эпоху социальных медиа

На уровне прикладных исследований историческая память чаще всего используется как термин, фиксирующий совокупность представлений о событиях прошлого, имевших последствия для больших социальных групп. С одной стороны, отмеченное выше отсутствие чёткой категориальной проработки концепта «историческая память» действительно оставляет исследователям определённое пространство для маневра и близкая к обыденной трактовка концепта вполне может иметь право на существование. С другой стороны, отказ от институционального ракурса во взгляде на историческую память сам по себе может быть свидетельством утраты институтами власти над ней [4].

Число акторов, вмешивающихся в производство и тиражирование того, что классики *memory studies* именовали «официальная история», неуклонно растёт в процессе цифровой коммуникационной революции. С самых ранних этапов своего развития интернет-коммуникация формировалась в серой зоне между публичным и приватным, официальным и частным, поэтому она включила голоса памяти тех,

кто в раннем капиталистическом обществе такого голоса не имел, поскольку не обладал доступом к образованию, политическим правам и культурному ландшафту эпохи печатной книги. Диапазон структурных статусов таких акторов чрезвычайно широк, все существующие их формы вряд ли поддаются учёту, они начинаются от атомарного уровня (индивиды и «виртуальные» публичные личности) и заканчиваются сетевым представительством классических институциональных органов и структур. Все они участвуют в развитии исторического официального нарратива, не обязательно в качестве очевидных инстанций коммуникационной цепи, значение имеет и опосредованное влияние через широкие сети коммуникации. Тем не менее, модерновые схемы создания и трансляции нарратива «официальной истории», включающие институциональное взаимодействие академического сообщества историков, государства, доминирующих политических сил и системы образования, продолжают работать. Сам нарратив снижает свою монологическую силу за счёт диффузии и частичной эрозии институтов, но он продолжает работать и сохранять свою актуальность [5].

Формирование исторической памяти может быть рассмотрено через призму методологии социального конструирования, в которой социальные интеракции формируют знание, становящееся основой новых интеракций. Знание в этом случае понимается предельно широко, оно включает свои дорациональные и внерациональные формы: мифы, стереотипы, поведенческие установки и социальные эмоции. Представители теорий медиатизации показали, что теоретические конструкции П. Бергера и Т. Лукмана типизации социального знания не учитывали вклад медиа в процессы социального знания [6].

Попытки «расширить» социальный конструктивизм весьма актуальны в условиях глубочайшего и повсеместного сращения цифровой медиасферы и повседневности [7]. Для исследования исторической

памяти они означают, во-первых, повышение внимания к социально-эпистемическим особенностям социальных медиа, заключающимся в том, что получение нового знания неотделимо от использования инструментов цифровой коммуникации, познание и опосредованный интерфейс сети диалог (в том числе и полилог) не отделимы в социальных медиа друг от друга [8]. Во-вторых, в социальных сетях формируются свои практики запоминания и забвения, влияющие на конструирование коллективных воспоминаний. Последняя волна *memory studies* акцентирует проблематику цифровой памяти [9]. В-третьих, высокое значение имеет степень совместимости исторических текстов культуры печатной книги и медиатекста, основной формы объективации смысла в социальных сетях. Медиатекст интегрирует цифровые мультимедиа (видео, фото, аудио) с текстом, причём комбинации и удельный вес таких элементов могут быть самыми разными [10].

Различные социальные сети выбирают конкретный элемент в качестве ведущего: есть сети, ориентированные на записи, есть те, что специализируются на фотографиях или видеороликах, рекомендуемые и предельно допустимые объёмы каждого элемента в конкретной сети свои собственные. Прямая рецепция сложного текстового исторического контента в социальных сетях практически невозможна, используются сообщения, резюмирующие его в той или иной медиаформе. В большинстве сетей, конечно, к сообщению можно добавить файл, например с учебником истории или исторической монографии, но расположить сам учебник в формате сетевых сообщений — задача, более чем нетривиальная.

### **Цифровой контент социальных медиа как инструмент конструирования исторической памяти**

В этом контексте весьма существенной исследовательской задачей является выбор типового контента, на примере которого

**Яндекс**

Поиск Картинки Видео Карты Товары **Новости** Переводчик Все

Главное Саратов Интересное Коронавирус Политика Общество Экономика В мире Спорт Происшествия

### Российские старообрядцы нашли первоисточник «Повести временных лет»

**НСН** **Старообрядцы: Открытие «Русского летописца» сложно переоценить**  
 Представитель Старообрядческой Церкви рассказал НСН, что россиянам предстоит познакомиться с оцифрованной древнейшей летописью, которую назвали первоисточником «Повести временных лет». Национальная служба новостей 11.03.2019 в 23:35

**Царьград** «Им в своём мире уютно»: Историк счел бесполезным приглашать украинцев к анализу «Русского летописца»  
 Поэтому размышлять о том, как украинские историки отнесутся к тому, что новгородские князья покорили Киев, бесполезно, считает он. Царьград 11.03.2019 в 22:37

**Царьград** Историк оспорил подлинность «Русского летописца», опровергающего роль Киева в рождении Руси  
 Украинские "историки", основывающие возникновение Руси с Киева, отнесутся к этому как к очередному поводу для нападок на российскую науку, считает Алексеев. Царьград 11.03.2019 в 20:36

**Pravda.Ru** Российские старообрядцы нашли первоисточник «Повести временных лет»  
 Так, указывают российские старообрядцы, в "Повести временных лет" опущено подавляющее большинство событий истории древней Руси вплоть до завоевания Киева князем Олегом. Pravda.Ru 11.03.2019 в 18:54

**НСН** Обнаружен первоисточник «Повести временных лет»  
 Российские старообрядцы обнаружили в архивах древнейшую летопись, которую считают первоисточником "Повести временных лет".  
 Национальная служба новостей 11.03.2019 в 18:30

Ил. 1. Подборка новостей на сайте Яндекс о «Русском летописце 1649 г.»

возможен анализ цифровых трансформаций исторической памяти. В рамках исследования «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире» (проект РФФИ № 19-011-00265) исследовались следующие виды контента.

1. Фейковый новостной контент. Его специфика — интеграция сообщений новостных лент, отражающих контент конкретных сайтов-источников, и распространяющих их постов в социальных сетях. Собственно исторический контент, основанный на фальсификации исторических фактов и источников, располагается на тематических сайтах. Новостные ленты актуализируют содержание сай-

тов в более лаконичной форме, социальные сети на их основе запускают волну постов, содержание которых с позиций исторической науки является фейковым. Примером такого исторического фейка является публикация на сайте «Русская вера» издания «Русский летописец 1649 г.» в марте 2019 г., который выдавался за первоисточник «Повести временных лет». Авторы фейка выложили на сайте фотографии летописного сборника XVII в. и объявили его подлинным историческим источником об истории Древней Руси без особых доказательств этого факта [11]. Это известие с интернет-сайта было опубликовано без должной проверки или



Ил. 2. Скульптура «Курортница», г. Зеленоградск. Автор – В. Фильшин

экспертизы историков в СМИ, а потом быстро распространилось в социальных сетях, вызвав бурную общественную дискуссию (ил. 1). Этот кейс наглядно показывает, что для фальсификации исторического источника в эпоху цифровых медиа не нужно создавать материального памятника, а достаточно публикации текста и графического изображения.

2. Фотоконтент в жанре селфи, позволяющий установить характер связи мировоззрения пользователя с местами памяти. Практика фотографирования с историческими местами памяти в жанре селфи позволяет пользователю перенести офлайн-опыт прикосновения к прошлому в цифровой формат и поделиться им со своей аудиторией в социальных медиа. Селфи можно назвать цифровым инструментом конструирования и тиражирования представлений о прошлом, символически отражённых в местах памяти, которые в концепции П. Нора являются единством духовного и материального наследия исторической

памяти сообществ [12]. Памятники, скульптуры, мемориалы являются маркерами городского пространства, выполняющими коммеморативные функции. Они притягивают туристов и становятся излюбленными местами встреч местных жителей, которые, фотографируясь рядом с мемориальным объектом, осуществляют соединение своего индивидуального опыта с коллективным постижением прошлого, заложенным в памятнике. Делая селфи и выкладывая его в социальных медиа, интернет-пользователь демонстрирует свою сопричастность к историческим ценностям и коллективным представлениям о прошлом (ил. 2). День музейного селфи или проведение акции «Бессмертный полк» в период пандемии COVID-19 и локдауна, когда селфи стали способом участия в данном мероприятии, показывают, что данный способ цифровой коммеморации стал частью исторической культуры современного мира.

3. Исторические интернет-мемы, выражающие эмоциональное отношение

пользователей к историческим событиям и вписывающие их в повестку дня. Например, в период пандемии COVID-19 появились вариации интернет-мема «Природа оживает» с изображением животных, вернувшихся в города. Однако пользователи социальных медиа развили этот сюжет, и в созданных ими интернет-мемах из прошлого вернулись в США представители коренного народа (индейцы), а у нас в Санкт-Петербург вернулся Пётр I (ил. 3). Также в это время появились интернет-мемы, ставшие своеобразной летописью 2020 г., фиксируя в мем-формате все события, попавшие в повестку дня [13, с. 406–419].

Интернет-мем представляет собой коммуникационный феномен, позволяющий передавать вирусные сообщения на большие аудитории социальных медиа. Они возникают как реакция интернет-пользователей на актуальные события и имеют массовое распространение, отражая коллективную оценку происходящего. Возникновение интернет-мемов на исто-

рическую тематику не редкость, но они появляются в результате актуализации представлений о прошлом в повестку дня. Например, интернет-мем в виде фотожабы «Иван Грозный убивает» возник и воспроизводился вновь при каждом упоминании русского царя Ивана IV в СМИ. Интернет-мемы «Пётр I и Шрек», «Ленин-гриб», «Гитлер против Сталина» и многие другие, в которых фигуры исторических деятелей сливаются с образами массовой культуры, показывают, что представления о прошлом в социальных медиа имеют тенденцию к визуализации в знакомых и понятных массам интернет-пользователей популярных графических изображениях, зачастую имеющих отдалённое отношение к репрезентуемым историческим событиям и интерпретациям истории. Демонстрируемое ироничное отношение к прошлому в интернет-мемах способно не только привлечь внимание, но и полностью изменить к нему отношение, используя тональность интернет-сообщения, так как они могут пе-



Ил. 3. В Санкт-Петербурге из-за карантина каналы Невы так очистились, что в них вернулся Пётр I. Интернет-мем «Природа оживает!!!»



Ил. 4. Компьютерная игра «Аллоды Онлайн» по мотивам истории Новгородского княжества.  
Разработчик – российская компания Astrum Entertainment

редавать эмоции с высокой степенью эффективности.

4. Компьютерные игры с историческим сеттингом (повествованием) и возникающий на их основе контент сетевых сообществ геймеров. Видеоигры на историческую тематику позволяют добиваться погружения игроков в виртуальные миры, воссоздающие прошлое в графическом формате. Создатели видеоигр воспроизводят свои представления о прошлом, которые могут быть близки исторической действительности или очень сильно её искажать, но в любом случае они закладывают в свой продукт массовые стереотипные и зачастую мифологизированные представления об истории (ил. 4). Однако геймеры воспринимают исторические видеоигры как достоверное воссоздание событий, даже если в них присутствуют элементы фантазии и чётко прослеживаемые образы массовой культуры [14].

Более того, возможность модификаций студийных компьютерных игр и создание инди-игр непрофессиональными геймдизайнерами показывают, что историческая

достоверность видеоигр не является приоритетной при их создании. Цифровые технологии позволяют любому геймдизайнеру, создателю игры или её модификации, воспроизвести ту историческую реальность, которая соответствует его личным убеждениям и представлениям о прошлом, а массовое распространение игр и создание вокруг них сообществ геймеров приводит к тиражированию исторических образов среди значительных аудиторий.

## Заключение

Сетевой контент социальных медиа на историческую тематику формирует представления о прошлом не менее эффективно, чем школьные учебники, уроки истории, научная историография, официальная политика памяти и общественные коммеморативные практики. Художественная литература в жанре исторической беллетристики уступает место фанфикам на историческую тематику, жанру сетературы, в котором интернет-пользователи создают свои собственные произведения, интерпретирующие прошлое [15], а до-

кументальный и художественный кинематограф потеснен в медиапространстве интернет-видеороликами с историческими сюжетами, создаваемыми массами любителей истории [16].

Прежде молчаливое большинство масс перестало быть просто потребителями исторической информации. Получив цифровые технологии, они стали использовать их для выражения собственного представления об истории, создавая исторический контент, который распространяется в социальных медиа, демонстрируя бесконечное множество интерпретаций событий прошлого. Социальные медиа стали частью коммеморативного про-

странства, в котором происходит конструирование исторической памяти усилиями интернет-пользователей, освоивших практики производства сетевого контента, воспроизводящего образы прошлого. Соединяя и перемешивая их с образами массовой культуры, пользователи, с одной стороны, делают историю актуальной и востребованной современностью, а с другой – превращают её в фейк, делая главными своё личное восприятие прошлого и его интерпретацию, а не историческую достоверность. Данное положение вещей стало фактом, который нельзя не учитывать при проведении политики памяти.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
2. Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27. DOI 10.31249/poln/2018.03.01.
3. Николаи Ф.В. «Третья волна» memory studies: культурная память между опытом и репрезентацией // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 369–374.
4. Логунова Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1–2. С. 227–253. DOI 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253.
5. Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge. 2017. DOI 10.4324/9781315637235.
6. Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press, 2017.
7. Ним Е. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 409–427.
8. Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 68–74.
9. Шестакова Э.Г. Медиатекст и проблема социального забвения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2013. Т. 12. № 10. С. 30–38.
10. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53). С. 19–28.
11. Русский летописец // Русская вера [Сайт]. URL: [https://ruvera.ru/news/russkij\\_letopisec](https://ruvera.ru/news/russkij_letopisec) (дата обращения: 28.03.2022).
12. Франция-память / П. Нора и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
13. Шомова С.А. Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5 (165). С. 399–424.
14. Белов С.И. Методика изучения видеоигр как инструмента символической политики // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 9 (73). С. 2457–2464. DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.002.

15. Ключикова Е.А., Четина Е.М. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3 (31). С. 95–104.
16. Зверева Г.И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: создание исторического повествования на YouTube // Преподаватель XXI век. 2019 № 4. С. 323–337.

## Social Media as an Arena for Constructing Historical Memory

**Sofya Vladimirovna Tikhonova** – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov Chernyshevsky State University, leader of the project ‘Social Construction of Historical Memory in the Digital Space’ (19-011-00265).

E-mail: [segedasv@yandex.ru](mailto:segedasv@yandex.ru)

**Denis Sergeevich Artamonov** – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Saratov Chernyshevsky State University, executor of the same project.

E-mail: [artamonovds@mail.ru](mailto:artamonovds@mail.ru)

The paper focuses on the problem of constructing historical memory on social media. In digital era, perception of the past is created by masses of Internet users who display their interpretation of history on social networks. The tools of reproducing the past are information fakes, digital photos and selfies, Internet memes, computer games, fanfiction and videos on historic topics, created by Internet users in enormous quantities. Social media are the arena where historical memory is shaped, as all information resources, including those on historical subjects, are accumulated in the digital space. Number of Internet users, skilled in digital technologies for producing information content, actively use them to create their own versions of the past and spread them among a broad audience. The specific characteristic of reproduced perceptions of the past on social media is their emotional nature, mythologizing and stereotyping. Users create their own versions of historical events that match the shared perception of the past that is associated with the stories and symbols of popular culture. New commemorative practices are emerging in social media as people immerse in the digital virtual space.

**Keywords:** historical memory, memory studies, perception of the past, social media, online content, mediatisation of history

## REFERENCES

1. Efremenko D.V., Malinova O.Yu., Miller A.I. Politika pamyati i istoricheskaya nauka // Rossiiskaya istoriya. 2018. № 5. S. 128–140 (in Russian).
2. Safronova Yu.A. Tret'ya volna memory studies: dvadtsat' tri goda protiv shersti // Politicheskaya nauka. 2018. № 3. S. 12–27. DOI 10.31249/poln/2018.03.01 (in Russian).
3. Nikolai F.V. «Tret'ya volna» memory studies: kul'turnaya pamyat' mezhdru opytom i reprezentatsiei // Dialog so vremenem. 2018. № 63. S. 369–374 (in Russian).
4. Logunova L.Yu. Istoricheskaya i sotsial'naya pamyat': paradoksy i smysly // Idei i idealy. 2019. T. 11. № 1–2. S. 227–253. DOI 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253 (in Russian).
5. Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge. 2017. DOI 10.4324/9781315637235.

6. Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press, 2017.
7. Nim E. (Ne)sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti v epokhu mediatizatsii // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2017. T. 16. № 3. S. 409–427 (in Russian).
8. Ageeva G.M. Mediatizatsiya pamyati: memuarnye svidetel'stva v blogakh i sotsial'nykh setyakh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 363. S. 68–74 (in Russian).
9. Shestakova E.G. Mediatekst i problema sotsial'nogo zabveniya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. 2013. T. 12. № 10. S. 30–38 (in Russian).
10. Anikin D.A., Bubnov A.Yu. Politika pamyati v setevom prostranstve: internet kak mediator pamyati // Voprosy politologii. 2020. T. 10. № 1 (53). S. 19–28 (in Russian).
11. Russkii letopisets // Russkaya vera [Sait]. URL: [https://ruvera.ru/news/russkij\\_letopisec](https://ruvera.ru/news/russkij_letopisec) (data obrashcheniya: 28.03.2022) (in Russian).
12. Frantsiya-pamyat' / P. Nora i dr.; per. s fr. D. Khapaevoi. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999 (in Russian).
13. Shomova S.A. Mem-letopisets: reprezentatsiya novostnoi povestki dnya pandemii v memeticheskom kontente Runeta // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2021. № 5 (165). S. 399–424 (in Russian).
14. Belov S.I. Metodika izucheniya videoigr kak instrumenta simvolicheskoi politiki // Voprosy politologii. 2021. T. 11. № 9 (73). S. 2457–2464. DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.002 (in Russian).
15. Klyuikova E.A., Chetina E.M. Fandomy i fanfiki: kreativnye praktiki na virtual'nykh platformakh // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2015. № 3 (31). S. 95–104 (in Russian).
16. Zvereva G.I. Ryadovoi pol'zovatel' sotsial'nykh media kak istorik: sozdanie istoricheskogo povestvovaniya na YouTube // Prepodavatel' XXI vek. 2019 № 4. S. 323–337 (in Russian).